

СВЯТЫЕ

Сергей Мари

"...СКОЛЬКО ТЕБЕ НДДО
ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ СОЙТИ С УМД?"

16+

Сергей Мари

СВЯТЫЕ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67074864

SelfPub; 2022

Аннотация

Спустя более 70 лет после глобальной катастрофы человек научился жить в новом мире, где каждый шаг больше не становился смертельным. Поменялось многое: ценности, своды правил, цели и т.д. Новое поколение людей уже не знало о прошлом, где не нужно было бороться за кусок хлеба. Дети вырастали на "новом" слове. Их путь и предназначение избиралось старшими. Всё для лучшего мира вокруг. "Отдай свою жизнь во благо будущего тех, кто будет после тебя." Однако, молодой ум дерзок и свободолюбив. Четыре ума вышли на свет из тьмы окружения. Построенная на костях и крови первых выживших, община вела "новых" людей к чистому, праведному будущему. И во главе их всех был ВсеСвятой.

Сергей Мари

СВЯТЫЕ

"...сколько тебе надо времени,
чтобы сойти с ума?"

Глава 1: "Отречение"

Когда-то время жизни принималось с уважением, почтением. Жизнь имела ценность, которую ни один предмет не мог превзойти. Ты жил, и этого было достаточно, чтобы всё, что тебе нужно, образовывалось со временем. К сожалению, люди слишком разные. И в этой разности жизнь и время, отведенное на неё, грязно и безжалостно эгоистично было утоплено в катастрофе.

Никто не знает точно, когда это случилось. Все, кого я встречал, говорили то одно время, то другое. Из рассказов можно было понять, что разница в днях нахождения катастрофы оказывалась довольно малой. Из-за чего мурашки по моей спине прошли стадом. Так быстро?

Так что же за катастрофа? Некая болезнь осадила большую кучу людей. Кожа их грубела, глаза заливались кровотоком, тело покрывалось язвами, из которых сочилась едкая жидкость. Люди подошались образам одержимых дикарей из лучших фильмов ужасов и триллеров. К общему ужасу по-

добие настигло реалии. Больницы полонились сошедшими с ума больными. И вскоре стены просто не выдержали. Начался хаос. Погромы на улицах, убитые люди, пожары почти в каждом квартале. Да, полиция с помощью военных быстро устранила наводнение спятивших, но это стоило всем еще большей ценой.

Ни прошло и дня, как запах мертвецов поселился в домах простых выживших. Дрянные мухи, домашние животные, тем более птицы разнесли эту проклятую заразу по всему городу. Как позже оказалось и по всей стране. Город сел на карантин. Военные разъезжали по пустым улицам, даже не подозревая, что уже в каждой квартире ютиться, как минимум, один одержимый, который сильнее прочих. Будто зараза совершенствовалась. Тогда каждый подъезд, двор и частный дом являлся шкатулкой Пандоры, которую человек, конечно же, открыл.

Вот, тогда город окатили волны одержимых. Они тихо ждали, голодные и спящие. Один короткий треск, или скрежет, или шорох, и буря высвободилась. Казалось, одержимые несокрушимы, но слабые места не было времени искать, когда в тебя летят смертоносные когти. И люди отступили, если было кому, дав одержимым большой, пустой дом, где каждая улица полонилась мертвецами, обглоданными до костей.

Как по мне, отступление было глупым шагом. Избежав одного города одержимых, людей настиг другой поселок или

стоянка. Прогуляйся по трассам, там сотни скоплений прозрачно-ржавых машин. Однако, свойство человека – привыкание – заставило меня прийти в восторг. Но второе свойство – ложь – огорчило. Время шло, и год за годом небольшое скопление выживших, кто приспособился к миру, где есть одержимые, создали приют другим людям. Они поселились в небольшом поселке городского типа. Довольно высокие стены с кольями на вершине, плотная зачистка, ни одного одержимого в периметре, и дружный коллектив, сплоченные целью, созданной привычной ложью.

И вновь время прошло, появлялось новое поколение людей, родившихся в уюте хаоса. Кто-то отрекся от прошлого мира, кто-то нет, но под жезлом ВсеСвятого один за другим склоняли головы, ведь:

"Нагрянет людское небо, и затихнут мрак, несущие, когда кожа покроется ядом плюща".

"Идиоты", – думал я.

Глава 2: "Святые"

Северный – так давным давно звался поселок, краем сомкнутый с большим городом. С тех пор мало поменялось что-либо. Лишь прибавились стены, с тяжелыми воротами, держащими опасных одержимых на расстоянии от выживших жителей. Это внешне. Но, если присмотреться, уклад жизни "новых" людей перекроился той самой ложью хитрых

властных личностей. Старое забылось или скорее грязно исказилось человеком по имени ВсеСвятой. Имя тщательно затерлось в памяти тех, кто был раньше, кто еще имел смелость противиться его лжи. И, если бы не роковые казни ВсеСвятого, возможно, прошлые смельчаки восстановили бы из костей и пепла мир без одержимых, хотя бы в районе Северного. Как вышло, так вышло. ВсеСвятой взял вершину власти. Северный стал Святым Севером, а жители назывались Святыми. Только ни капли святого в Северном, как и в его жителях, не осталось. Хотя, нет! Была одна капля в глубокой тьме беспамятства, называемая в душе "надежда".

Кажется, слишком заумно. Всё же надеждой стали четыре молодых ребят. Я следил за ними с самого рождения.

Девушка, Лиза. Рыжие волосы, когда-то состриженные до плеч. Ветер развевал их аромат груши, и, по-моему, весь Северный дышал ею. Она всегда мало ела, но, бывало, можно было удивиться тому, как ей хватало сил на день. Стройная, хрупкая, всё же, работающая и совестливая красавица.

Зеркально Лизе был Миклай. Всего на месяц старше, но вел себя, будто прожил десятки жизней. Высокий, сильный, правда, эгоист и время от времени глупец. Сколько раз ему прилетало лично от ВсеСвятого за выходки и самоуправство. Кто-то говорил, Миклай – сын ВсеСвятого. И иногда я тоже об этом задумывался.

Третьим оказался Паша. Зеркало Миклая. По случайности они родились в разницу в три дня. Какое-то время их

считали братьями, но будущее разобщило их. Паша всегда думал, после делал. Точность была для него всем. Даже внешне они имели схожесть, пока второй не начал убирать чёлку в другую сторону.

И последним в четверке стал самый младший, но взрослый внутри, Сеня. Пятнадцатилетний, вечно хмурый, стремящийся придумать, как избавиться от одержимых, чтобы вернуть родителей из нижнего пристанища за стеной. Именно Сеня, а, точнее, его желание привело всех к началу, которое никто не ожидал...

Глава 3: "Дом не для всех"

Конец лета. На Святом Севере наступал Новый год. Зимы становились всё суровее, чтобы праздновать. Потому праздник перенесли на конец лета, когда урожай был удачно собран, когда среди населения почти не было потерь, когда настроение ВсеСвятого лучезарилось. ВсеСвятой явился на глаза жителей всего раз, толкнул привычную для себя красноречивую песнь о великом будущем Святого Севера. Собравшийся народ радостно встретил его, всё же в пульсации аплодисментов я услышал упадок веры Святых. Пусть стены находились далеко друг от друга, их существование тяготело всех. Одержимых уже месяц не видели у границ безопасной зоны за стенами. Природа всё больше охватывала дороги и дома. "Какой смысл сторониться природы, если всё

налаживается?" – нервно думал Сеня, сидя в сквере, поглаживая фотографии родителей, с трудом сдерживая слезы от тоски трехмесячной давности. Молодой ум обвился корнями неприязни к ВсеСвятому, да и к остальным, кто продолжал вестись на его возгласы. И проступившие слезы опустили последние капли терпения. Сеня убрал фотографии во внутренний карман чёрной куртки и встал, грозно пуская взгляд в сторону южной стены. Как вдруг обзор перегородил Миклай. Сеня был ему по грудь, так что, подняв взгляд, он увидел то самое навязчивое лицо задиры, которому в очередной раз нечего было делать. На лице Сени сидело безразличие, ведь он уже на пять шагов вперед знал, что будет дальше.

– Чего хнычешь, сопля? – сухо спросил Миклай, толкнув парня пальцем в лоб.

– Не твоего ума дело, – ответил Сеня и тут же слёг на потрескавшийся асфальт от мгновенного оплеуха.

Щека разгорелась, обретя жгучий красный цвет. Миклай оглянулся, заметив кого-то в сквере, и подпнул малого носком кроссовка, чтобы тот поторопился встать. Провожая взглядом очевидцев, задира вдруг ощутил, что пинать было больше некого. Он посмотрел вниз, после в сторону и увидел, что Сеня уже рвёт ноги. Усмехнувшись, тот быстро нагнал его среди деревьев, где точно никто не увидит побоище. Миклай подбежал, пнул по ногам малого, и тот прошелся лицом по влажной земле еще пару метров.

– Мда, Сень, не везет тебе что-то, – злорадствовал он, кружа вокруг.

Неожиданно послышался смешок из-под нависшего капюшона. Обычно мальчишка заплакал бы после пары касаний. Миклай собирался было пнуть малого в живот, но на замахе кто-то схватил его ногу и потянул назад, рухнув его на землю. Когда Миклай открыл глаза, на нём уже сидел Паша с отведенной назад рукой. Раз за разом Паша давал пощёчины обидчику Сени, блокируя ответные удары. И когда Миклай резко обессилел, Паша кинул горсть земли ему в лицо, оставив валяться униженным.

– Слабак, – сказал Паша следом, уводя Сенью с собой.

Всё было спланировано: сквер, время, Сенья-наживка. И главная цель – преподать урок задире. Обойдясь парой синяков, Сенья довольно прихрамывал под крылом Паши, чьё лицо не меньше показывало удовольствие от сотворенного. Сенья и Паша особо не были знакомы. В любой другой ситуации Паша и внимания не обратил бы на Сенью, но чрезмерная наглость Миклая сплотила их на мгновение. Сенья считался сиротой, хоть сам этого не признавал. И появление доброго защитника, как Паша, вызвало у него чувство привязанности. Он бы с радостью назвался с ним братьями. Однако Паша довел малого до самого маленького дома во всём Святом Севере и ушел, будто просто шел мимо.

Потерять родителей, испытывая веру в их живучесть, а после привязаться к, откликнувшемуся на помощь, человеку,

что так близок по духу, – это было неслабым ударом тоскливому мальчишке, пусть и повзрослевшему внутри, всё же ребенку.

Сеня даже не собирался заходить в дом, где нет родителей, продолжая сидеть у ворот на самодельной деревянной скамье потерянный. Вспоминая недавнее отомщение, его более не будоражило то удовольствие. "Ничего не изменится. Он снова навалит мне из-под тишка", – думал он в грусти одиночества серых туч над головой. Только в его мысли проскочил Миклай, как тень обидчика вошла под ногами. Сеня вцепился в скамейку, отползая в дальний край. Краснолицый Миклай, с синяком под глазом и распухшей бровью, угрюмо присел на скамью, свесив голову до колен. Сеня с отвращением гнал его, боясь очередной драки, а Миклай шмыгал соплями, являя сожаление, которое с трудом давалось на словах.

– Думаешь, родителей потерял, и тебе одному плохо тут? Кроме тебя есть десятки таких же, но они не бегают по городу, неся чушь о том, что они живы. Ты просто ребенок, которому нужно внимание! – заявил Миклай.

– Это я-то ребенок? У меня хотя бы есть надежда, что родители живы. Я чувствую это. А ты? Знаю, тоже родители исчезли за стеной. Но ты не отпустил их, а сдался. Слабак! Только поэтому я уже сильнее, чем ты – большой ребенок! – ответил Сеня, что аж Миклай замолк.

Минуту спустя Миклай встал на ноги и протянул Сене ру-

ку, но тот послал его подальше.

– Ты послушай! Если твоя вера так сильна, раз ты уверен, что они где-то там, за стеной, пойдем вместе за ними. Даже не пытайся отговориться, кроме меня, у тебя никого больше не будет, с кем тебе удастся выбраться за стену. Тем более этот Паша. Я и ты! Сегодня ночью, – сказал Миклай и попал в самую больную точку мальчика, надавив с такой силой, что отговориться Сеня, действительно, не смог.

Руки скрепились в каменном хвате. Но так ли будет крепок их временный союз? Покажет лишь ночь.

Глава 4: "Свет ночи"

Выбрать свой путь жизни, когда ты скрученный правилами святого общества, сдавлен окружением одержимых за спиной, дается непросто. Либо ты послушно живешь по правилам, либо ты изгой за стеной, бегающее мясо для голодных одержимых. И в таких рамках, сойдя со слепо начертанной дороги, выбирая свой путь, ты оказываешься еще больше слеп, но с большим риском становишься ближе к прозрению. И, как часто бывает, молодой ум больше тянется в сторону, выбирая тернистый путь. Гуща терна захватила и Пашу, когда лучший друг подмялся под слово ВсеСвятого, который редко впечатлял своими поступками. Молодой ум двигался параллельно всему. Паша всегда доверял своей смекалке, не поддаваясь страстям сердца. Но момент насту-

пил, и сердце ударило кровью в мозг. Причиной стала Лиза, которая к своим восемнадцати годам оформилась красотой, бывало, наживая неприятных людей. Один такой человек, Миклай, после вечерних посиделок у костра, стал началом общения двух ярких лиц.

Кто бы не хотел себе в пару красавицу, которых, в прямом смысле, днём с огнём не сыскать? Может, в Миклае и была чистая влюбленность к Лизе, но дикий образ жизни покошенного общества превратил ухаживания парня в, скорее, навязчивую помешанность. Лиза быстро отвергла Миклая, с каждым днем ощущая его тень всё больше. И когда на горизонте появился Паша, приятный в общении, не навязчивый, склад ума которого привлекал ее, Миклай перестал существовать для девушки.

...Под Новый год Лиза, как всегда, собирала подарки у себя дома. Небольшие мешочки с интересными сюрпризами. Еще долго она ожидала, что Паша окажется очередным подобием Миклая или хуже, но каждый раз убеждалась, Паша совсем другой человек. Она не видела его то пару дней, то неделю, хотя, жили они неподалеку, от чего желание увидеться возгоралось. Лиза завернула довольно большой мешок, связала аккуратным бантиком и отложила в сторону, тоскливо вздохнув мыслями о новом ухажере. Как вдруг, в дверь со двора кто-то постучал. Девушка была в одних шортах да футболке. Она тихо подошла к двери, и улыбке ее не было предела. За дверью стоял Паша, смотрела она через

щелку в стене, только с места наказания Миклая. Дверь открылась, и Лиза неуклюже обняла его. Аромат груши наполнил лёгкие парня. Он крепко обнял девушку, ощутив все её выпуклости и изгибы на себе. Когда же они отпустили друг друга, то красноты бушующим гармонам на их лицах не было предела.

– Заходи, – радостно махнула она рукой.

– Да я бы с радостью. Только, вот, завтра Новый год, много людей будет по городу ходить и праздновать, а сегодня всё тихо, все готовятся. И, думаю, не будет лучше шанса сводить тебя туда, где ни ты, ни я еще не были, – говорил он, наводя на нужную мысль.

Лиза раскрыла рот от удивления, забыв, как дальше говорить. Паша задорно кивал, и девушка вновь обняла его крепче прежде. Она, вдруг, отстранила голову назад, вглядываясь в темные глаза парня. На секунду взгляд упал на его губы, и девушка смущенно отпустила его. А тот лишь добротнo усмехнулся.

– Во сколько? – вздохнула она.

– Будь готова к ночи. Наверно, самой незабываемой ночи, – подмигнул он и исчез со двора.

Лиза не могла поверить, что происходит. Никогда еще ее не переполняли такие чувства, такое желание и нетерпение. Она закрыла дверь и скатилась по стене спиной на пол, думая, что это сон. Но вечер близится, пора было готовиться к ночи.

Они встретились, когда даже уличные фонари не могли их заметить. Патрульные пропускали их, словно на мгновение слепли, запоминая лишь тень. Пустые улицы, полные огней свечей из окон домов. Одна из свечей затрещала у приоткрытого окна одного из ближайших домов к Стене. Хозяин выглянул, придерживая огонь ладонью, и заметил, как две тени несутся вдоль Стены. Страх окутал его. Неужели одержимые прорвались? Если Паша с Лизой и были одержимы, то только друг другом и желанием оказаться там, за стеной, где запреты остынут в свободе. Уличную тишь нарушал запыханный Паша, остановившийся у просторной щели в Стене, откуда можно аккуратно выбраться наружу. Лиза загорелась радостью, но что-то тяготило её совестливый дух. Рука спутника укутала ладонь, и крепость страха пала. Они прошли щель, вдыхая аромат свободы. На выходе их внимание привлек кусок порванной рубахи. Лиза сочла его частью одежды одержимого, собираясь оббежать весь мир, пока солнце не поднялось над головой. Внимательный взгляд Паши дал вспомнить знакомую рубаху.

– Малой? – пробормотал он.

Паша озадачился. Что привело мальчика за стену? Сомнения были, но огонь страсти подпотух в тихом переживании. Понадобилось немного времени, чтобы Лиза подхватила его волну. Они прошли дальше в лесистую часть города, где здания, мосты, частные дома уже преклонились перед волей природы. Фонарный свет бледно доводил ночной пейзаж до

жути. Ломаные окна, сошедшие с петель, двери, корни, проросшие по стенам, проржавевшие автомобили, травяной асфальт. Стены Святого Севера больше не ощущались спиной, будто оковы спали с рук и ног. Кусок ткани навел на новые оковы – мальчишка посреди этой теменной жути. Но где искать его? Никаких следов, ни зацепки. Запах опасности, в которой мог оказаться Сеня, проел мозг Паши. Остановившись, он прислушался: шелест листвы, скрипучие деревья, посвистывающий ветер и дрожь костей Лизы. Находиться в дикой природе каменных джунглей теперь казалось ей не таким приятным ожиданием. Страх овладевал ею. Как вдруг, где-то поблизости послышался крик. Детский, ломающийся от напряжения. Паша окликнул Лизу и со всех ног сорвался в сторону источника крика.

Фонарь, словно на зло, работал с перебоями. Разряженный аккумулятор давал о себе знать, вновь давая не взлюбить правила Святого Севера об использовании электроэнергии. В проблесках света удавалось увернуться от кривых ветвей на пути. Пробежав квартал, Паша остановился, потеряв голосовой след на перекрестке, где надземные переходы таили ужасы потерянного мира. Разглядывая всё вокруг, парень дождался прибытия Лизы. Громкая отдышка путала слух парня. Трудно было расслышать какой-либо другой звук. Он попросил девушку задержать дыхание, и та повиновалась.

Тёмный город сжимал стены. Любой скрип пола доносил весть о нежелании города видеть чуваков. Двери старых ма-

шин застыли на ветру, клубы мусора прижались к асфальту, свист притих. Очередное зло неслось в ночи...

Внезапно, из ветхого продуктового магазина послышался плачь. Всего на секунду, но этого было достаточно, чтобы Паша выбил ногой заколоченную дверь, рассыпав по плитке щепки. Фонарь возгорелся светом, и холод страха пробрал двух влюбленных.

– ...Вот твоя правда! – гневно говорил Миклай с порезанной щекой, отводя указательный палец за спину.

Сеня прижался к коленям, лёжа на боку. Даже грубая сила Миклая не давала раскрыть замок мальчика, чтобы он увидел то, что искал.

На двух арматурах, когда-то пропитанные кровью, свисали два тела. Худющие до костей, до сих пор в полуцелой одежде, обглоданные ноги и брюхо. Сеня узнал в них своих родителей, надежда на лучшее будущее потухла. Никакой семьи, никакого счастья, ни-че-го.

– Я думал, что ты понял, где твоё место! – яростно говорил Паша, подбираясь к Миклаю по битому стеклу с каплями крови.

Подобно огненному смерчу, парень добрался до обидчика и обжег его жестким ударом кулака по лицу.

– Снова ты! – пав, угрюмо прорычал Миклай, ощущая, как рана на лице рассеклась ещё больше.

Неожиданно горсть битого стекла обрушилась на лицо Паши. Он отшагнул назад и тут же пропустил несколько

небрежных ударов. Не отойдя от ужаса населенных на арматуры людей, Лиза обездвижено смотрела на безумие вокруг. Миклай казался диким зверем, а Паша его подобием. Она не понимала, зачем каждый раз избивать друг друга. Еще немного и буйство задело бы беспомощного Сеню. Лиза оттащила Пашу и громко крикнула, что аж всё вокруг замерло:

– А ну, хватит! Почему вы не обходитесь без драк? Так сложно один раз обсудить всё? В который раз мне приходится разочаровываться в вас! Наши родители были умными. Так почему же мы не можем быть, как они? Так сложно?

– Еще одна отступница! – презренно выдал Миклай.

– Несложно, – ответил Паша, встав на ноги. – Проблема в таких, как он и ВсеСвятой! Рессеяли семена обмана и дикости. Заставили забыть прошлый мир. И теперь жнёте тех, кто мыслит по-другому!

– Твой рот несет одни лишь бредни! Гребанный отступник! Посмотри на родителей малого. Вот, к чему приводят мысли, не ладящие с правилами Святого Севера. А вы так и рветесь сюда, – поучал Миклай.

– Так, может, стоит пересмотреть правила? Хотя бы, чтобы такое не повторялось, чтобы мы не жили в страхе застеня.

Вдруг улица заговорила. Двери машин хлопнули ржавчиной, ветви затрещали, козырьки балконов подали скрип. В тяжелом глотке компания стала оглядываться. Дверь черного выхода отворилась, Сеня дал дёру. Злой, павший духом.

Ему захотелось убежать, как можно дальше, найти тихий сад мира и покоя. Но только он оказался в переулке, как вонючее дыхание нависло над ним. Ярким светом фонарь озарил одержимого, на мгновение ослепив. Одержимый завизжал, призвав стаю, а Сеня уже исчез в потемках.

– Надо бежать за ним, пропадет! – взволнованно рвалась Лиза.

– Никуда вы не пойдете, – громом послышался властный голос ВсеСвятого, а следом пистолет в его руке положил на смерть первого же ворвавшегося одержимого с черного входа.

Сопровождение ВсеСвятого отстреливалось на улице. Вспышки огня дул, вопли одержимых. Громоздкий вид ВсеСвятого пугал. Казалось, пистолет в его руках тот час же развалится от нового выстрела. Будто школьники застуканные, компания не могла сойти с места. Сила и воля ВсеСвятого до сих пор была больше их. Стоило ему показать пальцем на выход, как те детьми, склонив головы, повиновались. Под залпы орудий, под крыльями защитников, Паша, Лиза, Миклай последовали: "домой!" – скомандовал ВсеСвятой. А что ждет непослушных детей дома? Конечно же, наказание.

Глава 5: "Святой грех"

Гора мертвых тел одержимых – вот, что осталось за спиной конвоя ВсеСвятого. Зловонь тянулась на километры, как

и недовольное настроение ВсеСвятого. В его голове творились разные мысли. И оставалось лишь молиться, чтобы дурная мысль не настигла отступников.

– Оставить стены родного края. И для чего? Для того чтобы вкусить запретный плод этого... отвратительного, гнилого мира? Я думал, глядя на вас, что вы станете лучшими из нас, станете новыми ВсеСвятыми. Сейчас же мне открылась ваша правда. Радуйтесь, что вы живы, – сухо, не обращая взгляда, говорил ВсеСвятой, освещая путь мощным фонарем.

– Вы оставили Сеню там погибать! – выкрикнула Лиза.

– Однако три жизни спасены, – добавил он.

– Надолго ли, – усмехнулся Паша.

ВсеСвятой остановился у щели в стене, на половину обернув взгляд:

– Посмотрим.

Повеяло холодом мрака. То ли от слов ВсеСвятого, то ли из щели. ВсеСвятой осмотрел стену и щель в ней, покачал головой и тяжело вздохнул:

– Этого стоило ожидать. Я мог бы оставить вас ждать своей смерти, но патроны не могут просто так быть потрачены на ваше спасение. Поэтому вы, трое, будете заделывать эту щель, чтобы больше никому не было повадно. Вот ваш шанс на прощение греха, что вы взяли на душу.

...Когда все оказались в стенах Святого Севера, Миклая отправили зашивать лицо, Пашу увели куда-то без слов, а

Лиза продолжила следовать за ВсеСвятым, который не желал отпускать девушку. Они прибыли в его дом, где десять человек стояли охраной во дворе. И Лизе ничего другого не оставалось, только повиноваться в ожидании худшего.

ВсеСвятой расположил девушку на мягком диване в окружении свечей, что отдавали приятным ароматом груши, подобно ей. В доме висело много зеркал. И на каждом был изображен символ Святого Севера – рассвет, загороженный наполовину цветком. На подставках стояли рукописи ВсеСвятого со сводом правил и молитвы. В окнах виднелись огни других домов. Лиза смотрела лишь на них, но ВсеСвятой свел шторы, а после скинул с себя плотную мантию, дав узреть наеденный живот и обвисшую грудь. В его глазах виднелась корысть. Он не мог лишней раз не посмотреть девушку, от чего та задрожала от страха.

– Меня не надо бояться, – спокойно сказал он, сев на кресло-качалку напротив. – Я тебе не враг. Мы все здесь семья друг другу. И когда один ошибается, в наших силах простить провинившегося.

– Пожалуйста, отпустите меня, – молила Лиза, лишь вызывая возбуждение у ВсеСвятого своим подсевшим голосом.

Он словно питался её страхом. В процессе беседы ВсеСвятой всё больше нагнетал девушку на свою сторону, не давая ей отговариваться или отказывать ему в чем-либо. Лиза чувствовала себя униженно. Деваться было некуда. В один момент ВсеСвятой сел очень близко к ней, и она сжалась.

– Ничего плохого не произойдет. Ты мне, как дочь. А свою дочь я не обижу. Верь мне, – уверял он, положив ладонь на плечо девушки.

Её кожа покрылась острыми мурашками. Слезы проступили, и Лиза не заметила, как перед ней на столике появился ягодный сок в графине, чашка и конфеты. Прислужник унес поднос, вновь уединив их.

– Угощайся, – налил ВсеСвятой соку в чашку и протянул пару конфет.

Лиза совсем потерялась. Она не хотела ничего, но голос ВсеСвятого зывал. Раскусив конфету, ощутилась горечь жидкой начинки. Машинально она запила горечь сладким, домашним соком и прокашлялась. ВсеСвятой продолжал говорить, но в ушах слова переплетались, глаза поплыли. С посторонней помощью Лиза легла на диван в бессилие, глядя, как черная туча нависает над ней. Холодные касания рук по телу, резкая боль в бедрах. Девушка только вскрикнула, и сознание покинуло её, не дав ей понять, что произошло.

...Спустя пару минут, ВсеСвятой закончил грязное дело. Он слез с Лизы, накрыв её одеялом. Довольный, запыхавшийся, молитвы понеслись из его рта, не успел он подтянуть брюки. Внезапно, молитвы прервала очередь из винтовок. Прислужники кричали о нападении и тут же затихали. ВсеСвятой поднял голову, направив взгляд на входную дверь, у которой стоял единственный прислужник. Колено затрещало в попытке встать, и ВсеСвятой замычал от боли.

– Не смей входить в покои ВсеСвятого! – кричал в дверь прислужник, а через мгновение уже лежал на полу с пробитым дробью животом.

Внутрь вошли несколько Святых. Они вещали о конце издевок, новой власти и переменах в общине. Увидев ВсеСвятого на коленях рядом с голой девушкой, в ком сразу узнали Лизу, на народ нашла ярость вперемешку с ненавистью. Эти горящие глаза, горячий пар из ноздрей, сжатые кулаки. Будущее казалось очевидным.

– Звери, – сказал ВсеСвятой без капли страха на лице.

Народ готов был разорвать в клочья издевателя, но кое-кто вылетел из толпы. Он искал Лизу. С ружьем в руках с избытыми костяшками Паша безмолвно наблюдал за кровью на брюках ВсеСвятого и на бедрах Лизы. Наглая улыбка издевателя снесла ему крышу со свистом в ушах. Он направил горячее дуло в его лицо, положив палец на спусковой крючок.

– Овцы без пастуха! Вам никогда не понять сотворенного мной! Да будет этот мир прекрасней! Да будет новая жизнь! Моя миссия выполнена на этом свете! – выкрикивал ВсеСвятой, поднимая руки к небу.

Мгновение, и кучная дробь распустила лицо издевателя по стенам. Брызги крови, ошметки мяса и костей черепа окатили лица присутствующих. Тело ВсеСвятого рухнуло на пол, заливаясь кровью, что сверкала в пламени свечей. Раскрыв рот, Паша скинул с дрожащих рук оружие отмщения.

Он убил. Сам. Не принимая содеянного, он поспешил укутать Лизу в одеяло, закинул ее на плечо и выбежал из дома, где обезумевшие люди танцевали в крови, празднуя новую свободу.

Улицы горели. Дом за домом. Община разделилась на две стороны. Свободные бились насмерть со Святыми. В ход шло всё, что попадётся под руку. Тихая община вмиг превратилась в громкую арену. Паша бежал, что есть силы, унося Лизу подальше от окружающего безумия. Но то, что началось, оказалось лишь крохотной каплей в надвигающейся волне хаоса и гибели...

Глава 6: "Молчание"

Тёплый, моргающий луч утреннего солнца игрался на лице Лизы. Румянец то выявлялся, то пропадал, когда поднимающийся дым время от времени прикрывал солнечный свет. Мягкая перина вызывала блаженство, от чего девушка потягивалась, ногами стягивая одеяло с себя. Приоткрыв глаза, милая душе комната радовала, словно ушедшая ночь вовсе и не была на её памяти. Вдруг, краем глаза был замечен Паша, который со стеклянным взглядом ушел в себя, сидя на стуле недалеко от кровати. Прошло несколько часов с дурной ночи, а память была свежа, и Паша не мог оставить мысли о случившемся. Когда девушка обернулась к нему, грея своей улыбкой, он не хотел, чтобы та помнила об ужасе

вчерашнего. Сев на край кровати, его рука прошлась по её запутанным волосам, перескочив на щеку.

– Как я оказалась дома? Мы же разделились. А ты тут и...

Ещё никогда Паша не врал ей. Беспамятство было не по душе девушке, и она отчаянно пыталась вспомнить ночь.

– Я сбежал. Правда. С помощью знакомых добрался до тебя. ВсеСвятой пытался надоумить тебя, сделать тебя подобной остальным. А он умеет. Я... его остановил, – импровизировал он.

– Что? Как? – восторженно спросила она.

– Народ поднял восстание. Они убили ВсеСвятого. Видела бы ты, что происходило с общиной всю ночь, – продолжал Паша, витая в воспоминаниях.

Лиза вскочила с постели, потянулась за одеждой, и острая боль схватила её таз, а после живот. В панике Паша взял таблетки со стаканом воды и дал девушке их выпить. Спустя время, боль отпустила.

– Сильно ты отхватила. Прости, что не успел вовремя.

– Думаешь, меня раньше не били? Ничего, быстро встану на ноги, – сказала она и встала, одеваясь, подошла к окну.

Со второго этажа открывался отличный обзор на общину. Но отныне радоваться виду было невозможно. Столбы дыма поднимались с разных концов общины. Где-то до сих пор полыхал пожар. И Святые, и Свободные придались смерти. То от рук друг друга, то от когтей одержимых. Стая призвалась на крики в стенах Святого Севера, словно звонок на пирше-

ство. Часовые на стенах и воротах просто не выстояли в атаке дикарей, и в считанные часы община поглотилась в пасти безумия смерти.

Лиза с трепетом наблюдала, как одержимые шныряют по улицам, поглощая плоть убитых, вламываясь в окна и двери, полностью завладевая местностью.

– Все мертвы? Никто не спасся? – огорченно спросила она с намокшими глазами.

– Я видел, как некоторые убежали за стену. Только, сама подумай, какой шанс выжить там, где нет стен и тех, кто защитит, – отговаривал он ее от мысли, которую уже сам прочёл.

– Мы должны найти их! – загорелась она. – Может, они прислушаются к нам, и мы медленно, но верно построим новый дом. Для всех нас!

Запасы в доме имелись, как и ворованное оружие, которое притащил сам Паша, придумывая план по восстанию. Уходить было глупо. Но как бы не был полон одержимых город, как бы не было сильно желание Паши остаться в, похоже, самом безопасном месте на планете, воля неукротимого духа Лизы брала верх над всем.

Часы пробили следующий час. Дом Лизы опустел жизнью. Одни шкафы с вещами, диваны, затараканенная кухня, одинокая спальня, где так и остался стакан с водой и таблетка. Паша стоял и смотрел на стакан, из которого запивала болеутоляющее Лиза. Гигантский валун взошел на его плечи

молчания. Теперь любой разговор с девушкой вызывал ком в горле. Он дал себе обещание, что не откроет Лизе мрак роковой ночи. Ладонь легла на ручку двери. Паша набрал воздуха в ноздри и закрыл дверь прошлого. Лишь бы девушка жила дальше. Пусть и в незнании...

Глава 7: "Обитель покоя"

Уши полонил гул одержимых. Казалось, они сидят прямо над ухом и бешено что-то говорят, пытаясь донести важное. Но их вид отгонял подобные мысли, сразу понимая, что донести они хотят лишь заразу, что месяцами и годами держат в себе. Выйти со двора – уже стало тупиком. Никакой пистолет не успеет положить целую армию одержимых. Осталось только бежать. И этот вариант отпал из-за болей Лизы от резких движений.

– Мы остаемся! – твердо сказал Паша.

– Смотри! – удивленно воскликнула Лиза, показав на такой же двухэтажный дом, где с крыши махали выжившие.

Дом находился рядом. Осторожно перелезая через монополию, тенью проскакивая мимо одержимых, они добрались до нужного дома. Хозяева вовремя встретили их, открыв ворота. Ставни сели обратно, одержимые бились, оставляя вмятины на тонких участках металла. Выжившими оказались Святые, поэтому молитвы без остановки лились из их губ, чем огорчили Пашу.

– С ними мы еще в большей опасности, чем было раньше, Лиза, – шептал он над ухом.

– Они просто выжившие, как и мы. После случившегося, думаю, нету смысла делиться одних и других. Неважно, во что или кого ты веришь! Сейчас вокруг одна беда, – поставила она его на место.

Войдя в дом, Пашу и Лизу встретила большая семья. Муж и жена, их два ребенка лет девяти, дед и бабушка, чьи ноги приковались к инвалидным креслам. На удивление они оказались добрыми и гостеприимными, не смотря на происходящее. Две девочки закидали вопросами Лизу, уведя от Паши, оставив его в окружении взрослых. Его руки напряглись, скулы забегали. Пистолет за курткой был готов в любой момент. Глава семейства окинул взглядом парня и, вдруг, протянул руку:

– Рад встрече. Я помню, это ты был ночью в доме ВсеСвятого. Как ты выжил, ведь там столько отступников было?

Паша напрягся еще больше. Ему не были нужны очевидцы или лишние разговорчивые люди рядом. Все смотрели на него молчаливого, ожидая ответа. Паша пришел в себя, выдохнул и сказал:

– С благим светом ВсеСвятого. Он меня спас, пожертвовав собой.

Семья восторженно ахнула, кроме деда и бабушки, чье молчание заинтересовало парня. Особенно, когда после слов дед сплюнул в сторону, холодно прокатившись мимо парня. А

вслед за ним укатила и бабка.

Уговорив Лизу отвлечь остальных, Паша выждал момент и прошёл в комнату стариков, где двуствольное ружье тут же наставилось на него с колен деда.

– Еще один тупица, славящий идиота! – прокряхтел дед. – Твоё место в аду, где сейчас ваш Славный.

– Дед, я не такой, как они. Поверь! Будь ты этой ночью в том доме, ты бы увидел, как я таким же ружьем убил ВсеСвятого. Я его положил! Потому что... знаю, правда за вами, кто помнит былой мир, – не боясь ружья, признался он.

– Докажи! – добавила бабка.

Паша понял, что зашел слишком далеко. Но деваться было больше некуда. Либо всё, либо ничего.

– Вы видели со мной девушку...

– Очень красивая! – перебила бабка.

– ...которая приглянулась ВсеСвятому. И случилось кое-что плохое, что я предотвратить не смог. Он напоил ее и воспользовался случаем, чтобы...

– Боже мой! – шепнул дед. – Этот выродок заслуживал смерти хуже!

– Значит, этот изверг не остановился. Он продолжил, нарушил обещание. Сколько девушек пострадало, – вспоминала она.

– Что вы имеете ввиду? – спросил Паша.

– Сколько раз я слышала от молодых девчат, какой добрый и щедрый ВсеСвятой. А потом они девять месяцев вы-

нашивали детей. И если ты прервал выродка...

– Нет! – испуганно выдал Паша.

– Тогда девушке лучше придаться смерти, чем носить ублюдка, зачатого от другого ублюдка. Она же... не знает? – продолжала бабка.

Паша помотал головой, не успевая собирать мысли.

– Ты знаешь, что лучше. Не тяни. На свете не должно более быть упоминаний об "этом", – сказал дед и убрал ружьё.

– Больные старики! – сказал Паша и собрался выйти из комнаты, как вдруг, морщинистая, холодная рука бабки остановила его.

Взглядом страшнее дела у виска он убрал вялые тиски. Бабка смотрела на него с одолжением в устах, нежели ранее с поучением.

– Ты молчишь. И думаешь, что так будет лучше. Только послушай меня, ту, кто своим крылом приютила многих красавиц. В конце концов, всё станет ясно. И ей будет больнее в разы, чем сейчас, если ты скажешь. Любишь её?

Паша увел взгляд.

– Это и так видно, – говорила она. – Тогда не гули её, себя и ваше будущее.

Молча захлопнув дверь, Паша почувствовал себя школьником, которого принизили в его поступке. Слова бабки сели хвостом к нему, чем раздражали. Не желая более находиться здесь, он нашел Лизу в компании остальной семьи. Они что-то ярко обсуждали. Пустые рюкзаки лежали на сто-

ле в кухне. Сложив два и два, Паша не был доволен результатом. Нужно было уходить, пока не поздно, думал он, приближаясь к Лизе. Та обернулась счастливей некуда и радостно сказала:

– Нас стало на четыре человека больше! Они идут с нами!

Дети воскликнули, обнимая мать с отцом. Реакция Паши не заставила себя долго ждать.

– А что старики? Вы их просто оставите подыхать от голода, от лап безумцев? – рвал и метал он.

– Мы уже разговаривали с ними об этом, – спокойно говорил глава семейства. – Они не желают оставлять дом, который кровью и потом был ими построен. И наш выбор они принимают, как и мы с уважением их.

– Ведь память о них всегда будет с нами. А если вечна память, то и вечен их век, – дополнила мать, взяв за руку мужа.

Зла не хватало у Паши, чтобы что-либо ответить. Он посмотрел на Лизу, которая, кажется, приняла их выбор, и сказал, не желая слышать больше ничего:

– Мы уходим из этого сумасшедшего дома!

Девушка так привыкла к добродушным, тёплым людям за короткий срок, что грубое суждение Паши поставило ее перед выбором. Помочь семейству Святых или последовать за тем, к кому сердце тянется огнем?

– Ты со мной? – стоя у выхода, снимая ставни с двери, спросил Паша.

Семейство с надеждой ждало шага девушки в их сторону, так как увидели в ней ту, что не бросит нуждающихся в трудный час. Лиза посмотрела на них, после на Пашу, и, внезапно, её глаза заставили сделать шаг к нему.

– Одержимые! – закричала она.

Окна разлетелись вдребезги по прихожей. Дверь размашисто открылась, сбив с ног Пашу. Стая одержимых вломилась внутрь, топча парня. Ослепленный осколками, он не мог сделать ни движения. Лиза кинулась на второй этаж, а семейство так и осталось стоять на месте в молитвах. Как бы Лиза не звала их, стая добралась до них, вцепившись в глотки. Крики детей к действиям. Рискуюя собой, Лиза приблизилась к одному одержимому, оттащив от дитя, и его внимание перешло на свежую плоть. Кровавые глаза сковали душу, клыки поднялись вместе с когтями. Вдруг, входная дверь громко захлопнулась. Помятый Паша стоял с пистолетом в руке, приманив изголодавшихся тварей. Выстрел. Еще вспышка дульного огня. Одержимые сыпались на пол крупой. А когда магазин опустел, Паша схватил кортик на стене с наградами солдата и, словно такой же одержимый, набросился сначала на одного, вскрыв шею, а после зверем разобрался с оставшимися. По локоть в крови, запыхавшись, Паша отбросил кортик на пол и бросился отмывать в ведре воды дрянную кровь с рук. Когда же закончил, он застал Лизу у умирающих членов семьи. По куртке бежали слёзы. Дети перестали дышать, а глава семейства уже начал превращаться в оче-

редного одержимого, но всё пытался на ощупь найти ладонь жены. Судороги перекашивали движения, и Лиза сама положила его руку на руку жены, посмотрев на Пашу, зная, что нужно будет сделать, но на что сама не способна.

– Пожалуйста, – молила она.

Паша тяжело вздохнул. Ребра болели от каждого движения тела. И пусть семья с головы до ног застряла в паутине святотства, парень не оставил их. В пистолете сменилась обойма. Он отвел Лизу за спину и спустил курок, добив главу семейства. Выстрел оказался громче обычного. Лиза спешила уйти с места горя и печали, но последовала за Пашей, который, сломя голову, добрался до двери комнаты стариков и вошёл.

– Что там? – спросила Лиза.

– Тебе незачем на это смотреть! – выскочил Паша.

Вскоре Лизу нашло озарение, печаль в конец засела в ней. Через час вместе с Пашей она уже шла к границам города, поуспокоившись, ни на метр не отставая от спутника. Они шли и молчали. Потрясение нашло обоих. Паша задумался о словах бабки. Впереди их могло ждать что угодно. И если гибель в скором времени настигнет их, девушка должна знать всё, думал он, желая избавиться от груза тайны. Он остановился посреди автострады, встав лицом к Лизе. Смелость пополам с воздухом набрались в лёгкие.

– Что такое? – опустошенно спросила она, каждый раз теряя взгляд Паши.

Внезапный гудок перебил парня. Спрятаться было некуда. Голая дорога. Грязный внедорожник остановился рядом с парой. Окно опустилось. Паша был готов достать пистолет. Как вдруг...

Глава 8: "Северный охотник"

С чего бы начать?

Хм. Моё имя ничего не даст вам.

Кем я был раньше? Это ничего не скажет обо мне.

Просто найдите меня как Северный охотник.

Я из тех выживших прошлого мира, как и единицы других, которых, скорее всего, уже нет в живых. На моем веку сгинул один мир, после на руинах его встал уродливый, с трудом сносный мир, где ложь взяла победу над умами новых людей и слабых старых. Каждое новое утро давалось мне с болью в памяти о прошлом. Моя надежда на возвращение бывшего угасала, пока я не смирился с новой жизнью. Тихий уголёк засел во мне. И я приложил все усилия для того, чтобы новое поколение людей воспряло умом и духом. Моя личность держалась в тени. Всевидящий ВсеСвятой не мог знать обо мне. Мой призрак и воспитание дали этим ребятам возможность на жизнь без границ с выбором своего будущего. Я с радостью наблюдал, как воплощается мой не писанный план. Об одном я лишь сожалею. Я не успел спасти от зла ВсеСвятого Лизу. Но когда его лицо разорвала дробь, мне

стало легче. Паша сделал почти всё в точности, как я сказал. Хороший парень.

Святой Север должен был придаться огню, и он сгорел, надеюсь, что дотла. В этом проклятом месте я потерял всех своих друзей, кого нашла старая смерть, а кого инквизиция полоумных. Казалось бы, моя душа должна быть спокойна, а я сам остынуть в годах возраста. Но время еще было на моем счету. Здоровье изредка подводило. Сейчас же, когда меня тяготит лишь одна цель, ничто и никто не станет мне помехой. Пора садиться за баранку. Я обязан найти, спасти их или покончить с ними...

Глава 9: "Капкан на медведя"

Легкость в ногах, расслабленная спина, вялая шея. Находиться внутри уютного, пусть старого, но ухоженного внедорожника было невероятно приятно. От комфорта и покачиваний сон близился к Паше и Лизе, которая всё ещё была в шоке от первого же встречного на дороге, который был знаком Паше. Будто приезд машины был спланирован. Вопросы лились, будто допрос, на что Паша говорил:

– Ты всё скоро узнаешь. Терпение.

И Лиза терпела, молча разглядывая мужчину за рулем, который прятал лицо за козырьком чёрной кепки. Стоило в зеркале заднего вида им схлестнуться взглядами, как дикий взор старика напугал девушку.

– А куда вы вообще везете нас? – недовольно спросила она.

Старик устало выдохнул, удерживая молчание. Паша подловил намек и вставил свои пятьдесят копеек:

– Ты можешь быть спокойна. Этот человек везет нас в место, которое мы сможем назвать своим домом. Всё хорошо.

Игольчатая Лиза не довольствовалась прислужным словам возлюбленного. Будто щенок, который тявкает за своего старшего, думала она. Всё же она доверяла этому щепку. Взяв его за руку, её голова легла на его плечо, глаза сомкнулись, и она заснула. Старик поправил зеркало заднего вида. Зоркий глаз пал на уводящего взгляд Пашу.

– Нет почвы для волнения, дружище. Есть, что сказать, скажи. Я весь во внимании.

Паша молчал, глядя в, исцарапанное когда-то когтями, окно машины. Он знал очень много, чтобы выдать Лизе всё, как на духу. Нужно было время и место. И старик дал, всё, что нужно.

Ехать пришлось достаточно долго. К закату, когда оранжевый и розовый цвета слились на небе, а солнечный диск зашел за двухэтажный, деревянный дом на насыпи, колеса внедорожника проскрипели у ворот на территории просторного хозяйства, где за невысокими, металлическими оградами водились лошади. Водительская дверь хлопнула, и молодняк проснулся в опухшем взгляде.

– Подъем. В доме поспите, – сухо сказал старик чернее

черного во тьме.

Когда они зашли за ворота, старик завел машину и вместе с Пашей закрыл выход, навесив металлические, профильные трубы по типу ставней. Лиза терялась в ночи. Вдруг, раздався щелчок на трансформаторе, и блеклый свет уличных фонарей пробудил соскучившихся, голодных лошадей в стойлах неподалёку.

– Лошади? – радостно завизжала Лиза.

Старик хмуро ухмыльнулся:

– Именно. Те, кого я спас из Северного, пока лапы Все-Святого не добрались до их мяса.

Легкое головокружение охватило девушку. Её завели внутрь дома, где она смогла прилечь на диван и выпить сладкой воды. Старик ухаживал за Лизой, как за своей дочерью, наблюдая за её состоянием, даже когда ей стало легче. Лиза не могла разобрать его лица, свет был позади него. Боль в животе возникла с особой остротой, диван скрипнул пружинами, силуэт старика вызвал непонятное воспоминание. Такое короткое, что Лиза забыла тут же, сковываясь от боли.

– Что со мной? – плакала она.

Старик, осуждая, смотрел на Пашу, который не знал, что ответить. Нить лжи становилась всё тоньше. И в любой момент, правда, сама явилась бы к девушке в новом, четком воспоминании. Старик успокоил девушку, но та ещё больше закричала, когда коснулась влажных брюк и увидела на пальцах кровь. Нельзя было медлить.

– Доверься мне, внучка. Всё понимаю, но далеко в прошлом я лечил много женщин, особенно, своих девочек: жену, сестер, дочерей. То, что тебе сделали, может сильно навредить тебе, если я не осмотрю тебя. Просто поверь. Я зла не желаю, – говорил старик, полный волнения.

Лиза опасалась, но новая боль взвала к действиям. Девушку отвели в небольшой гараж, где было необычайно чисто, даже стерильно. Тут лечились все кобылы, что имелись у старика. Специальное стойло, столы пустые и с приборами, инструментами, хирургическими принадлежностями. Яркий свет слепил, хлор щипал носоглотку, так что Лиза толком ничего не увидела, сразу же оказавшись нагой на холодном, металлическом столе, укрытая тканью. Она почти вся доверилась старику, который смочил руки в обеззараживающей жидкости, надел маску и пододвинул кровавый таз девушки поближе. Паша в ужасе бегал с поручениями старика. Осмотр длился недолго, но болезненно. Из гаража доносились сдерживающие крики. Близь шныряющие одержимые надвигались к ограде, давая о себе знать воплями, громче криков Лизы.

– Спокойно! – твердо приказал старик испуганному молодняку, закончив осмотр и проведя профилактические процедуры, после которых таз девушки жжёт, но боль более не преследовала. – Отведи её в комнату на втором этаже, я разберусь с "гостями".

Усталая, почти без сил Лиза оказалась на руках Паши, ми-

нуя святящие лампы по дому расплывчатым взглядом. Откинув одеяло назад, он осторожно уложил ее на кровать в мало освещённой спальне. Отходя, молния куртки зацепила ткань, и та стянулась на пол, оголив только умытую девушку. Тонкая шея, изящные ключицы, разлитая грудь.

– Прости, – шепнул Паша и скорее накрыл ее одеялом.

Лиза хихикнула, закрыв глаза, и поймала в объятия уходящего парня.

– Я уже думала, ты не снимешь с меня хоть что-нибудь, – поцеловала она его в щеку, хотя, метила слепо в губы.

Но Паша не из-за этого просил прощения. Поцелуй согрел его сердце, а её страдания разбивали его. Он винил себя в неспешности в роковую ночь, как и за молчание, которое до сих пор хранил. Оставив девушку за закрытой дверью, Паша спустился вниз, лоб в лоб, встретившись с запыхавшимся стариком, чьи руки были в крови. И, явно, не в крови одержимого.

– Он сбежал! – рычал старик.

В этот момент Паша побледнел еще больше. Проблемы окружали его всё больше. Стоило старику оказаться за спиной парня, тот мурашками ощутил угрозу от него. Открыв входную дверь, на крыльце предстал большой, медвежий капкан с кровью на все зубья и куском мяса, к которому прицепилась джинсовая ткань. Вдалеке среди туч сверкнула молния, пробудившая потерянного Пашу. Настало время бури. Но что после неё останется?

Глава 10: "Цена правды"

Гром, будто камни по крыше, пробудил Лизу. Испугавшись, она скоро приняла, что находится в безопасности, в уютной комнате, а за окном просто штормит. Хотелось есть, одежды не было. Найдя на тумбочке остаток свечи и спички, она достала из шкафа более-менее подходящие брюки и кофту. Собираясь выйти, в теплом свете бликнули рамки фотографий на стене. Внезапно, её отвлекла молния за окном, и она выглянула, чтобы вдохнуть заряженный воздух. Капли сыпались на лицо прохладой, подмачивая волосы. С наслаждением открыв глаза, в очередной вспышке посреди скошенного поля показался человек. Он стоял и смотрел на Лизу, всем видом неизвестности вселяя страх. Кровавая нога, мокрые волосы, яростный взгляд. Лиза кинулась к двери, но она оказалась заперта.

Тем временем, внизу Паша ходил за стариком, пытаясь вывести на разговор, но тот лишь искал патроны к ружью, что достал из-под дивана. Найдя и зарядив оружие, старик заговорил:

– Что тебе нужно?!

– Ты собираешься убить его! – заявил Паша. – А как же все твои слова о том, что мы особенные? Что мы – твоя "надежда"? Мы же – спасение этого мира! Ты так сказал!

Старик рассмеялся, поглаживая ружье.

– Молод и глуп. Вы были мне нужны для того, чтобы кончить с идиотизмом ВсеСвятого, чтобы его гнездышко сгорело вместе с ним. Вы справились. Спасибо! А теперь дай пройти! – рыкнул он. – Мне нужно покончить с последним упоминанием о гребанном Святом Севере!

Когда-то старик, именуемый себя Северным охотником, встретился Паше в закоулке бывшего Северного. Сначала парень увидел в нем ВсеСвятого, но, рассмотрев, он познакомился с ним. Общение с охотником придало вдохновение на новый уклад жизни в сердце юноши. Оказываясь за пределами Северного, каждый вдох наполнял грудь его свободой. Охотник дал веру, оружие и план. Дал всё, что стало нужно свободолюбивой душе юнца. Он стал ему подобием отца. Все переживания Паша делил с охотником. Доверие было неоспоримым, а имени его он так и не знал.

Теперь же, когда Северный охотник открылся со стороны, что так хорошо скрывал, Паша почувствовал себя брошенным ребенком, у которого не было и не будет родителей. Здесь он понимал чувства того, потерянного уже навсегда, Сени. Паша с камнем на сердце и углями зла на горячей голове смотрел, как Северный охотник несется с ружьем в руках на поиски беглеца. Весы более не перевешивали к охотнику. Они сломались безвозвратно. Отныне Паша сам выбирал свой путь. Ноги вольно сошли с места, и парень последовал за стариком, чтобы поменять всё, что натворил.

Устав биться в несносную дверь, Лиза отступила. Дверь

не поддавалась, словно специально оставляя девушку в этой комнате. Набираясь сил, стоя со свечей, огонь качнулся в дуновении ветра, вновь бликнув по рамкам фотографий на стенах. Лиза оторвалась от двери, подойдя к стене и подняв свечу на уровень лица, осветив то, что так долго маячило в глазах. Дыхание замерло, сердце застыло в ледяной правде, лишь глаза тряслись от испуга, что медленно, но явно навевал девушке воспоминание, заполнившее потерянный промежуток.

– Он сделал это со мной, – прошептала она, вспоминая отвратное, точное тело над собой, боль, что длилась всего пару минут, но оставила боль длиной в жизнь.

В следующее мгновение уши заполнил белый шум. Паша знал и молчал, осознавала она. Секунда горечи сменилась неистовой злобой, неутолимой ненавистью к человеку, кому доверяла больше всего. Какими бы не были побуждения Паши, девушка хотела только одно – расставить точки. А, точнее, одну. Внизу донесся хлопок дверью. Схватив какой-то чемодан, довольно тяжелый, она метнула его в дверной замок, сломав его и выпотрошив открывшийся чемодан. Бумаги разлетелись по спальне вместе с купюрами. Вновь очередная тайна раскрылась в глазах девушки.

Северный охотник был стар, слегка полноват, но ему ничего не мешало передвигаться быстрее молодого Паши. Потеряв старика из виду за открытыми воротами, Паша стал суетливо бегать по окрестностям, пытаясь найти след стари-

ка в луче фонаря. Вокруг оказалось куча следов. Одни вели к ограде, другие в поле, а целая топотня привела к лесопосадке. Залитый дождем до нитки, парень остановился у первых сосен, облокотив тело на шершавую поверхность. Огненно-желтая вспышка подарила второе дыхание. Свет мелькнул чуть глубже в лесу. И Паша нашёл Северного охотника.

Старик сидел на колене, держась за рукоять ножа, что наполовину засел в бедре. Он кряхтел, не отпуская ружье, что выстрелило в одну из сосен. Ругань сыпалась дождем. Увидев Пашу, он закатил глаза, не желая его видеть, но, вдруг, попросил помощи. В ответ Паша отстранился, и Северный охотник посмеялся:

– Уже не моя собачка, а?

Паша разозлился и собрался было пнуть ослабленного старика, но дуло поднялось в его сторону, и старик зацыкал:

– Нет, нет, дружище. Я больше не допущу ошибок. Теперь я убью и этого идиота-беглеца, и тебя, и щенка, и эту кобылку, а она мне так понравилась. Она же не знает, что в ней зарождается семя ВсеСвятого. Молчи, молчи, щенок, молчи.

Раненный старик пугал своей свирепостью. Зверь, загнанный в ловушку, загнал щенка в угол. Вдруг, ветви поблизости затрещали, и на свет вышла Лиза, чьи слезы и дождь смешались. Она не ненавидела сейчас всех и вся, услышав обратное.

– Теперь я всё знаю, ублюдок, – сорвалась она, даже не

поведя взглядом на Пашу. – Ты – убийца детей, что ещё не родились! Ты – брат ВсеСвятого, родной брат. Георгий и Николай Корнеевы! Один – маньяк-насильник, а другой – женский врач, гинеколог, который зарабатывал на убийстве не рождённых. Один не любил другого.

– Узнала, значит, – перебил Николай. – Ну, раз знаешь, что сделал с тобой мой братец, как бы тебе не хотелось убить меня, я – твоё спасение и твоего будущего, как полагаю, уже без Паши.

Смешок прошёл по горлу. Паша растерялся, глядя на Лизу, что горько не желала его видеть, то есть, соглашалась со словами детоубийцы, но:

– Мне не нужна чья-либо помощь. Это моя проблема! За последнее время я слишком много разочаровываюсь в людях. Может в мире больше и не осталось добра, – смотрела она на Пашу, мотая головой, будто стряхивала слезы.

И снова смех.

– Разочаровывайся больше. Это Паша убил ВсеСвятого. Дробью разнес ему лицо. Он же помог мне сжечь Северный. Он привел тебя сюда. И он же молчал обо всём тебе, – зло-радствовал Николай, ощущая, как вены Паши заливаются гневом, глядя, как фаланги пальцев хрустят от сжатий.

В глазах парня Лиза увидела подтверждение словам Николая. В мгновение Паша становился всё призрачней для неё. Сердца обоих бились в молчании одного.

Неожиданно Паша оказался на земле, ударившись об кор-

ни. Кто-то сбил его с ног, уселся сверху и бил без продыху по лицу, не щадя сил. Вдруг, громкий выстрел, и нападавший перекатился в жгучей боли к сосне, ощущая, как раскаленная дробь засела в животе и между ребер. Неожиданно для себя, Лиза помогла встать Паше, вцепившись в него, как в последний раз.

– Всё в порядке, – виновато сказал Паша и поднял фонарь на нападавшего.

Голова шла кругом. Перед ним полулежал Миклай. Изодранные волосы на голове, избитое до посинения, лицо, что аж глаз заплыл, а нос до сих пор кровоточил. Его тело было испорчено дробью. Кожа слегка висела по сторонам с кусочками мяса, которые Миклай прижимал обратно, лишь бы раздробленные ребра и кишки не вывалились. Кровь безнадежно оставляла его.

– Ты... убил моего... отца! – выплевал с кровью Миклай. – А ты всё равно... держишь... его за... руку, сука! – перевел он взгляд на Лизу. – Да я... лучше любого из... вас!

Его глаза судорожно закатились за веки, кровь брызнула изо рта рвотным рефлексом. Секунда, и руки ослабла на землю. Потрошенная часть тела вывалилась на ладонь, оголив алые ребра и кишки. Огонь любви и ненависти погас для него навсегда.

Лиза не могла смотреть на ужасное зрелище и, то ли от желания, то ли от случайности, прижалась к груди Паши, закрыв глаза. Не понимая, но чувствуя, что призрак её люб-

ви всё ещё имеет тело. Её тепло было дороже всего на свете. Минутная слабость заглушила звук перезарядки рокового ружья. И когда Паша услышал взвод, последнее, что он успел, – достать пистолет и прижать тёплый металл к груди девушки.

– Слишком просто, – язвил Николай, целясь в рыжеволосую мишень.

Лиза почувствовала перемещение. Открыв глаза, Паша уже стоял спиной к старику вместо нее. Гром пробил смертный час в унисон с выстрелом ружья. Дробь порвала сердце с бас-гитарой, что были вышиты на спине куртки. Мимолетная жгучая боль пронзила тело парня. Он обронил прощальный взгляд на Лизу, и сердце лопнуло. По спине, сквозь куртку, прямо по разбитому сердцу понеслась темно-красная кровь, разбавленная дождевой водой. Тело рухнуло на девушку. Мертвый, но Паша еще был щитом для нее. Пистолет, вдруг, оказался у нее в руке. Она высмотрела из-за плеча старика, направила дуло в его сторону. Они оба спустили курки. Лиза с криком не останавливалась и жала на дребезжащий крючок, еще не понимая, что она жива, а старик Николай мёртв.

Когда магазин опустел, и в лесу лесу слышался только щелчок пистолета, Лиза отпустила оружие. Рука дрожала. Слезы путали картину. Она положила мертвое тело Паши на спину и нависла над его безмолвным лицом. В этот момент ему было прощено всё. Лишь бы он был жив! Задыхаясь,

осознание пронзило Лизу. Она обернулась к убийце и застала его таким же мертвым. Двенадцать пуль изрешетили голову и шею изверга. Кровь сочилась через лопнувшие зенки, рубленную челюсть, пробитые скулы.

– Ненавижу! – воскликнула она во весь голос.

Вновь посмотрев на Пашу, тихо и нежно:

– Я так тебя люблю!

Головой Лиза прижалась к груди любимого. Так сильно, как любила. И вдруг, знакомая песня заиграла под курткой. На мгновение Лиза вспомнила, как однажды, вместе с Пашей они слушали эту песню. Всего раз, но это был замечательный момент. Долька приятного ощущения заставила её достать плеер, и песня заиграла громче. А на дисплее с размазанной кровью название: "Рассвет". Будто напутствие, словно ангел-хранитель, будучи Паша, вел её под руку именно к рассвету, который вот-вот начнется.

Дождь больше не шел. Буря закончилась. И предрассветное небо отступило от туч. Неподалеку послышались вопли одержимых. Они скоро будут здесь!

– Пойдем. Ему уже не поможешь, – сказал мужской голос, и крепкая рука повела девушку за собой.

Лиза не хотела оставлять тело, всё ещё обращаясь к Паше, словно он живой. Легкий ветерок окатил слезы. Казалось, ладонь Паши смахивает их.

– Иди, – тихо послышалось ей.

И она повиновалась, оставляя место побоища. Незнако-

мец вывел ее через лесопосадку на вытоптанное колесами поле. Там стояла запущенная машина, а рядом два невысоких человека, две тени, пущенные фарами.

– О, Господи! – взволнованно сказала женщина, увидев окровавленную Лизу.

– Мама! Это она, – продолжил юношеский голос. – Лиза!

В этом голосе отозвалось знакомое. Протерев глаза, она увидела несущегося на неё подростка. Приглядевшись, она узнала в метре друг от друга лицо Сени, пропавшего мальчугана, который верил, его родители живы.

– Видишь, я был прав. Они живы. Я был прав! – радостно говорил он. – Почему ты плачешь?

И Лиза обняла его. Крепко-крепко. Сейчас роднее у нее никого не было. Сеня удивился по началу, однако, был рад видеть её. Отец собирался торопить их, одержимые заполняли лес. Но мать взяла его за руку, остановив:

– Всё хорошо. Мы в безопасности. Дай им время.

Отец добротнo вздохнул, приобняв жену. Та положила голову ему на плечо. Солнечный диск озарил поле своей дугой. Звезды спешили уснуть. Лиза оторвалась от Сени, поглаживая его каштановые волосы и шмыгая носом. Его улыбка стала небольшой отдушиной для неё. Ведь его надежда говорила о том, что ничего не потеряно. Нужно лишь время. И тогда Лиза найдет покой, как нашел мальчуган Сеня.

Конец.

...Когда-нибудь, прогуливаясь мимо злополучного леса, когда стая одержимых оставит голодные края, Лиза пройдет его насквозь, проживая прошлое вновь. Уже сильнее, чем прежде, воспоминания не сломают её. Солнечный лес согрет теплом сосен и летней земли. И там, среди корней, что обросли когда-то мертвое тело, она найдет Пашу одержимым. Дробь в ту ночь переломила позвоночник, и он остался лежать, ожидая свою любимую. Лиза присядет напротив него, достанет плеер и положит обратно в куртку, удерживая клики палкой. После отпустит и, дав волю паре добрых, горьких слезинок, она скажет на прощание:

– У меня всё хорошо. Конечно, без тебя тяжело, но... я нашла в себе силы отпустить тебя. Я до сих пор тебя люблю. И не перестану любить. Да хранит тебя Бог, любовь моя!

Тот самый пистолет испустит последний выстрел. Тело и душа парня обретут покой. И в этих краях станет, наконец, тихо. Лиза перекрестится, помолится об упокоении души Паши, выдохнет, смахнув слезы, и далекий голос Сени позовет её обратно. Домой.